

О месте партийного работника в политической борьбе рассуждает секретарь ЦК Компартии Латвии Нвар Кеэберс в беседе с нашим корреспондентом.

4 страница

Окончание публикаций И. Медового «Письма из райцентра» об исторической судьбе Волоколамска, о его жителях, их сегодняшних проблемах.

5 страница

Сегодня в дискуссионном клубе «СК» публикуются шесть интервью на телевизионную тему.

6 страница

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

В рубрике «Наши публикации» читатели отыскивают издачу книги А. Брюнелена о Жане Габене.

8 страница

«Художник и время» — рассказываем о новой постановке оперы-балета Н. Римского-Корсакова «Млада» в Большом театре СССР; знакомим с фильмами «Шут» и «Арлекино»; информируем о новостях культуры.

9 страница

Представляем графику художника А. Колчанова на 12-й стр.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

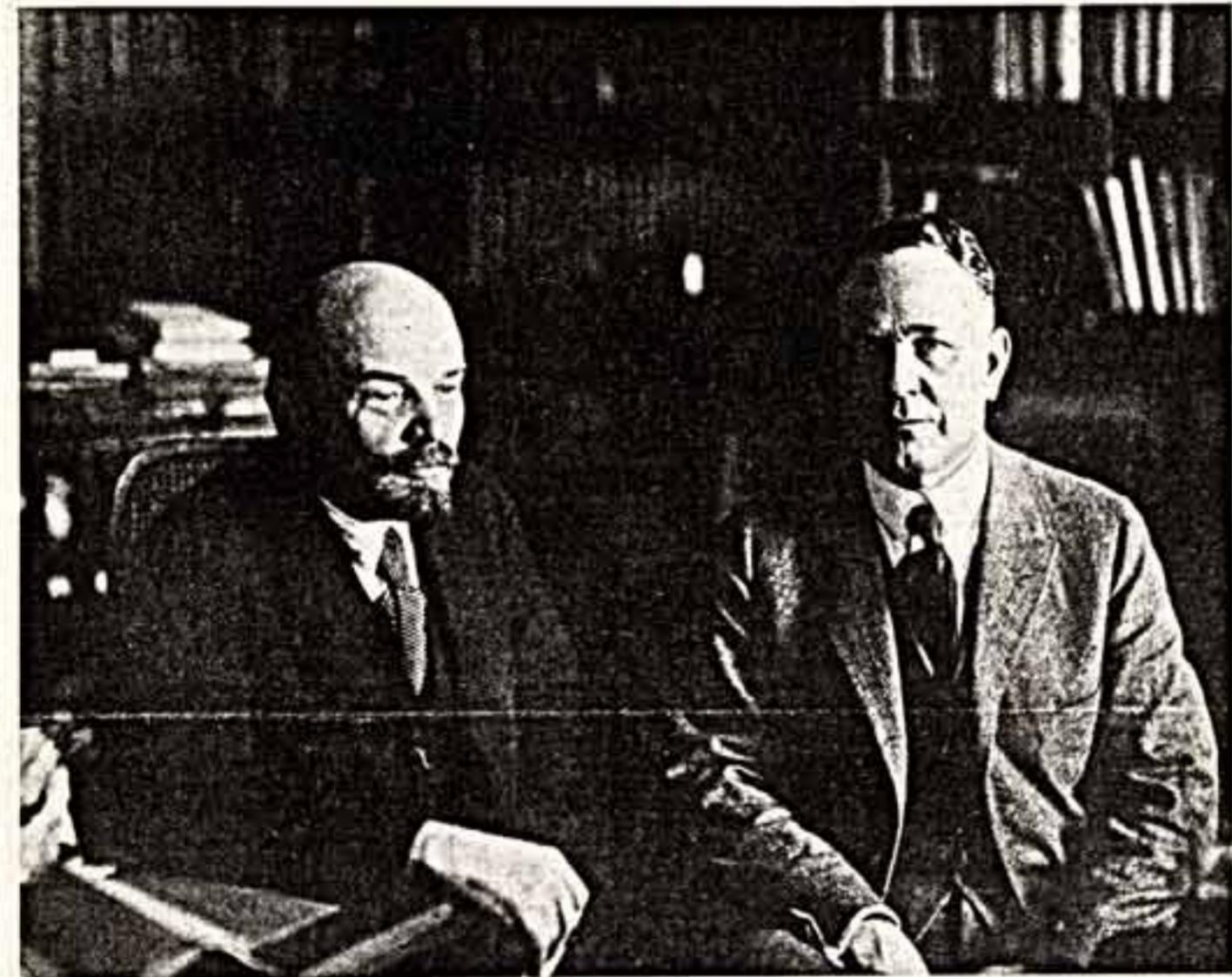
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Суббота, 21 января 1989 г. № 9 (6577)

Газета Центрального Комитета КПСС

ЦЕНА 10 КОП.

ДЕНЬ ПАМЯТИ В. И. ЛЕНИНА

• Москва, 1921 год. В. И. Ленин беседует с представителем буржуазно-демократической рабоче-фермерской партии Христианом.

Издания, рассказывающие о жизни и деятельности воинов мирового пролетариата, отражающие значение его идеи для будущего в стране перестройки, представлены на выставке «Ленин. Страницы жизни и борьбы», открывшейся в Государственном историческом заповеднике «Горки Ленинские». За ее экспозицию — свыше 250 произведений, выпущенных Политиздатом и издательством «Планета» в последнее время. На открытии выставки представители издательства встретились с антикоммунистом Ленинского района Подольского. Такие встречи здесь станут постоянными. В ходе работы авторы книг и графических листов проведут с посетителями своеобразные читательские конференции, круглые столы, обсудят планы на будущее.

(ТАСС).

Материалы, посвященные памяти В. И. Ленина, читаются на 3-й и 12-й стр.

С некоторых пор в Воронеже все, кто думает о той или иной социальной, общественной, экономической, экологической проблеме областного масштаба иначе, чем думают в обкоме или горкоме КПСС, кто открыто выражает, не соглашается, пытается выразить протест публично в печати, на собрании, в письме — все они экстремисты, или, попросту, демагоги и крикуньи.

Впрочем, по порядку. Тезисы ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции были опубликованы в печати, и я, как и тысячи рядовых коммунистов страны, принял участие в их обсуждении, и мое мнение по проблемам внутрипартийной демократии даже было обнародовано в центральной газете.

Тезисы отчетного доклада первого секретаря Воронежского обкома КПСС коммуниста Баскина Г. С. на XXV областной партийной конференции опубликованы не были, следовательно, центральной областной дискуссии перед конференцией не было, и я, как и тысячи других воронежских коммунистов, не смог принять посильное участие в выработке основных положений доклада хотя бы в сфере культуры нашего края, в которой имел некоторое отношение уже четверть века.

Дискуссия развернулась после конференции, когда доклад был опубликован в газете «Коммуна». Дискуссия идет в кулуарах, потому что в нашей области доклады и выступления секретарей обкома и горкома в местной прессе не обсуждаются.

Знают об этом руководители области или предпочитают не знать, но в среде коммунистов, беспартийных да и населения области живо обсуждается отчетный доклад. Некоторые его положения оспариваются. Это — факт нынешней внутрипартийной обстановки в области.

Особенно бурно идут разговоры об отчетном докладе в первичных партийных организациях вузов, творческих союзов и местных органов печати и информации. В их адрес в докладе были сказаны самые резкие, жесткие, теперь уже директивные формулировки.

Например, о работе воронежских театров говорится так: «На подиумах сцены все чаще и чаще проносят негативные, а порой откровенно очернительские пьесы...». Это — факт нынешней внутрипартийной обстановки в области.

Если бы тезис отчетного доклада об очернительстве был выдвинут на предварительное обсуждение, он был бы компетентно оспорен коммунистами — профессионалами театра.

Теперь же профессионалы вынуждены, как говорится, размазывать кулачки после драки, да и делать это приходится за кулисами, потому что плюрализм в нашей области распределется в обкоме партии.

Если бы плюрализм в нашей области был бы естественным, как само многообразие жизни, то и воронежские учёные, преподаватели вузов смогли бы открыто, публично на страницах партийной газеты «Коммуна» сказать то, о чём они вынуждены говорить в коридорах и не удаляться по поводу, например, таких тем, как отчетный доклад: «Зачастую в аудиториях воспроизводятся как общие досягаемые общественной науки личные, порой сомнительные (политическая терминология доклада здесь и далее подчеркнута мною) — В. С.)

взгляды отдельных учёных».

Воронежские учёные тоже волнуются и гадают: кого из них обком партии считает отдельным и сомнительным?

Ведь в отчетном докладе на областной партийной конференции сказано, значит, что сомнительный и отдельный есть. В общем, слова приходят пора проверок и комиссий!

«Обком партии высоко ценит мнение, участие населения в решении... вопросов экологии. Но вместе с тем считает недопустимым манипулирование отдельными ли-

ками общественным мнением».

За этими словами — напряженные отношения обкома и горкома партии с населением города по поводу строительства тепловой АЭС (по экспериментальному проекту, фактически в черте города); строительства Механическим заводом коллектора в пойме единственный в пригородных лесах, полузадущенный речкой Усманью.

«Отделенные лица», которые «манипулируют общественным мнением» — это учёные, давшие стихийному голосу народной тревоги научное, доводы об убедительном обосновании; журналисты, давшие выход общественному мнению на страницы печати, местной и центральной.

Если обком партии действительно «высоко ценит мнение, участие населения», то почему с такой раздраженной непримиримостью была отвергнута попытка создания в городе общественной организации «Экологическая инцициатива»? Её «зачинщики» — все дильтант, демагоги и экстремисты! Невправда!

«Мы также серьезно обеспокоены попытками отдельных журналов под флагом гласности выходить корпоративный принцип партийного руководства петь что-либо».

Начинали в воронежских газетах, сотрудничаю в них уже четверть века, знали наш журналистский корпус — кто же этот «отдельный», кто пытается «выходить» ленинский принцип?

Знаком другом. Воронежские журналисты, лучшие из них — а таких большинство и в «Коммуне», и в «Молодом коммунаре», и на телевидении, и среди собственных корреспондентов центральных газет — уважают общественное мнение и делают все возможное, чтобы оно было в разнообразном звуке.

Воронежские газетчики «серьезно обеспокоены» тем, что «под флагом ленинского принципа партийного руководства печать» в последнее время усиливается на прессу административно-командный налажим. Об этом говорилось на партийных собраниях обоих газет.

Да, газеты — орган обкома, но и голос общественности, голос народа. Именно то, что я подчеркнул, по-моему, всегда было для Ленина главное в партийной печати.

Не знаю, кто осуществлял партийное руководство нашими газетами в те дни, когда в некоторых детских садах города мальчики отправились производить молочного завода.

(Окончание на 2-й стр.).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

МИР НА ЗЕМЛЕ

В ДЕНЬ (вернее — в ночь), когда будет начаться этот номер газеты, далеко-далеко, в Вашингтоне, столице Соединенных Штатов, состоится inaugурация нового президента Джорджа Буша, сорок первый президент Соединенных Штатов Америки, вступит на свой пост, где должна пройти четыре года, но уже по плану разосланных гонцов, которых поручена важная миссия — собрать достаточную и вполне достоверную информацию о планах и намерениях других держав с тем, чтобы можно было выработать координированные подходы к внешней, экономической и социальной политике разноголосых капиталистических стран трех регионов — Западной Европы, Северной Америки и Японии. Естественно, во главе с Соединенными Штатами, играющими в этом конгломерате руководящую роль.

Прибывающая в нашу страну делегация так называемая — делегация «Грексторнейской комиссии», неправительственной организацией, в состав которой входит влиятельные политики, крупные представители интеллигентства, видные журналисты, юристы, капитаны бизнеса, имена которых известны всему миру. Достаточно назвать американцев Давида Рокфеллера и Генри Киссинджера, бывшего государственного секретаря Франции Валери Жискар д'Эстена, бывшего премьер-министра Японии Я. Накасона и других деятелей, пользующихся у себя в странах, и в западном мире вообще, немалым весом и влиянием.

Члены делегации встретились с Михаилом Сергеевичем

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ — ПЕРЕСТРОЙКА

отношения между капиталистической и социалистической системами.

По признанию самих членов делегации, направленной в Москву, беседа дала большой заряд мыслей, оказалась очень полезной и обнадеживающей по своим последствиям.

Наша перестройка состоит

из заявления в заключении

М. С. Горбачева, но мыожнем

«перестроиться» в

частности, в проведении курса,

о котором он, кстати, не

раз говорил нас о преемственном,

имея в виду сло-
викии

в последние годы

доказательством

«ССР — США», то

развитие, которое обозначено

направлением постепен-
ной линквиции ракетно-

ядерного оружия, перехода

от конфронтации к деловому

вместе сотрудничеству.

У американских президен-

тов есть своего рода тради-
ции: перед входом из Бело-
го дома высказывать обоб-
щественное суждение о склады-
вающихся условиях, имею-
щих немаловажное, а иногда

и решающее значение в си-
туации внутри США в ин-
тервью политиков.

В свое время Дуайт Эйзен-
хауэр оставил миру знамен-
ительное предупреждение о зловещей роли растущего агрессивного военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов.

В конце своего прези-
дентства, перед тем как уда-
литься на «Небесном ранчо» в Калифорнии, Рональд Рей-
ган призвал своих политиче-
ских наследников сделать все возможное, чтобы мир на земле был сохранен и упро-
щен, а советско-американские

отношения успешно продол-
жались.

Подробно говорилось о воз-
можностях «интегрирова-

ния ССР в мировую эко-

номику, о путях ликвидации

препятствий, разборки заво-
дов, которые скопились за

последние годы во внеш-
независимических и торговых

Детям Армении

№ 707606 «Дети Армении» —

этот сюжет открыт Советский

фонд имени В. И. Ле-
нина в Женеве.

На него будут поступать

средства в помощь маленьким

гражданам, которые

выразили желание помочь

ребенкам из Армении.

На него получили в земле

и в воздухе Армении

и в воде Армении.

На него получили в земле

и в воздухе Армении

и в воде Армении.

На него получили в земле

и в воздухе Армении

и в воде Армении.

На него получили в земле

и в воздухе Армении

и в воде Армении.

На него получили в земле

и в воздухе Армении

и в воде Армении.

На него получили в земле

и в воздухе Армении

и в воде Армении.

На него получили в земле

и в воздухе Армении

и в воде Армении.

На него получили в земле

II.

«З АПИСАНО М. В., «Записано Л. Ф.»...

Обращали внимание на эти подписи под последними ленинскими письмами и статьями? Кому они принадлежат? Кому посчастливилось запечатлеть на бумаге мысли смертельно больного Ильи — последние его слова, обращенные к партии, его так называемые «Политическое завещание»?

Л. Ф. — это Лидия Александровна Фотнева, личный секретарь Владимира Ильи. Но кто скрывается под инициалами «М. В.»? Я знаю: Л. А. Фотневой.

— Мария Ахимовна Володичева, — сказала Лидия Александровна, — стенографистка Владимира Ильи, моя помощница по секретариату СоВнаркома и СТО (Совет труда и обороны).

— Скажите, а где сейчас Мария Ахимовна? — спросила я. — Она жива?

— Да, жива и здоровая. Сейчас я найду ее адрес. Вот он...

И я поехала.

Задорогаясь с Марий Ахимовной, седой, высохшей от болезни и старости, но с достоинством держащей женщины в длинном строгом платье, и с волнением подумала, что эту вот руку пожимал Владимир Илья, когда благодарила ее за стенографистку после диктовки!

Сказал об этом Мария Ахимовна. Она заговорила очень тихим голосом, делая большие паузы, собираясь с мыслями и силами.

— А знаете, он ведь тогда подал мне левую руку! Это меня больше всего потрясло. Я не думала, что с ним так плохо.

— Когда это было, Мария Ахимовна?

— Вы можете проверить. Первая запись «Письма к съезду» помечена, кажется, 23 декабря 1922 года. Так вот, в тот день вечером мне сообщили, что вызывают к себе на квартирную Владимира Ильи. Его тогда постиг новый тяжелый приступ болезни. Но, несмотря на постельный режим, он часто зевал и даже диктовал по телефону. В серьезность его заболеваний никто не хотелось верить. А ему становились все хуже и хуже...

Направляясь к Ленину, Мария Ахимовна не знала еще, что в минувшую ночь у него наступила паралич правой ноги руки.

В квартире застыла Надежда Константиновна, Мария Ильинична, врач. Естественные, созабоченные лица, смущение вдруг разгорячилось. Ее проводили к Ильичу.

Чувствовалось ли, что Илья плохо? Сказалось ли его состояние на логике мыслей в ходе диктовки? Мария Ахимовна отрицает это. Диктовал он быстро и уверенно, как что хорошо продуманное и сформулированное. Голос был твердый. Лицо иногда раздавалось глуховатое, словно пробивающееся через скрипинью, между бровей нотки. Отметила Мария Ахимовна и покрасневшее лицо, и обострившиеся временами напряжения склады.

Сидя напротив Владимира Ильи у стола, она неслышно и быстро вела записи.

Ленни заметил как-то, что центрирует свою стенографистку особенно вот за это редкое качество быть неслышней, незаметной во время диктовки — качество, идущее то ли от необычайной скромности этой белокурой девушки, то ли от ее душевной чуткости.

— Тогда прошло всего четыре минуты, и в комнату заглянула созабоченная Надежда Константиновна. Это сначала, что нужно заканчивать.

Очень сосредоточенное и строгое изгловение издало лицо Ильи расправилось в улыбке. Очевидно, он был доволен сделанным. Внимательно посмотрел на Марии Ахимовну и спросил:

— Какое сегодня число? Двадцать третье? Значит, открылся съезд Советов. Жаль, что отнимала время, которое мы могли бы поработать там.

Она помнила: Ленин продиктовал что-то чрезвычайно важное. Сидя в секретариате и перепечатывая на машинке текст «Письма к съезду», вновь и вновь вспоминалась в него. Владимир Илья предлагал предпринять «...на этот съезд», то есть на ожидавшемся вскоре XII съезде партии, «...ряд перемен в политическом строю».

Обращали на себя внимание такие строчки: «В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни...» я думала, что такая вещь нужна и для поднятия авторитета ЦК, и для серийной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком немерное значение для всех судей партии.

Не зная твердо, позволят ли ему болезнь продолжать диктовку, Владимир Илья постарался в этом коротеньком, за четыре минуты надиктованном письме, в скромном виде уложить главное, суть своих предложений. В последующие дни он развили и конкретизировал идеи, выраженные в первом разделе.

Как поступить с письмом? Владимир Илья сделал на этот счет никаких распоряжений. Но оно адресовано съезду! Значит, его нужно передать в ЦК партии, генеральному секретарю.

Мария Ахимовна звонит Фотневой, сблизившись с которой Илья диктовал «Письмо к съезду», что его нужно кому-то показывать.

— Ну что же, покажите Сталину.

В квартире Сталина Мария Ахимовна застала его самого, Надежду Сергеевну Аллилуеву, Г. К. Орджоникидзе, Н. И. Бухарина, Сталину письмо, мужчины удалились в соседнюю комнату, а холода дома стала уходить Володичеву.

Сталин вернулся. Шаги его были тяжелы. Он отозвал Марии Ахимовну в сторону, подробно рассказал о здоровье Владимира Ильи. Потом возвратил письмо и сказал:

— Сожмите его.

Мария Ахимовна была исполнительным работником в дисциплинированным членом партии. Она подчинилась приказу генерального секретаря: скопка ту копию письма, которую показывала Сталину, в она оставила нетронутыми четыре другие копии — те, что лежали в сейфе.

— Впоследствии я часто вспоминала об этом эпизоде. И поняла, что напрасно показывала письмо Сталину. Так или иначе, но он был первым, предупредившим о «засечении» Ленина, сумел, очевидно, принять контригру. Надежда Сергеевна Аллилуева рассказала мне как-то, что Сталин опасался, как бы я не дозволила диктовкам делегатов XII съезда партии о содержании «Письма к съезду».

Можно только представить себе, как тяжело и мучительно переживала Володичеву эту свою ошибку, сколько раз перебирала в памяти все пронесенное. Теперь, на закате жизни, понялась потребность рассказать все как было, не щадя своего самолюбия.

Много раз потом, приходя к Володичевой уже вместе с историками партии, журналистами, мы возвращались к этой теме, стараясь скрупулезно высказать все детали и факты. И нас всегда поражала забота Марии Ахимовны об абсолютной точности. Она тщательно прокомментировала каждую фразу, каждое слово. Когда отказывала память, извлекала из света ветхую тетрадку в кожаном переплете, заполненную стенографическими записями: личный свой

стало лучше. В глазах его не было уже отрешенного сосредоточенности и сдерживаемой боли. Взгляды дружелюбно и пытливо.

— Совсем забыл вас вчера предупредить, товарищ Володичева. То, что я уже продиктовал вам, и то, что продиктую сегодня, абсолютно секретно. Абсолютно секретно, — повторил он, — вплоть до членов Центрального Комитета.

У Марии Ахимовны от страсти и сдержанности даже карандаш из рук выпал. Она, было, открыла рот, чтобы рассказать о том, что письмо уже известно Столину, но вовремя вспомнила строжайший наряд Надежды Константиновны: не давать Ильичу ни малейшего повода и волнения.

— Вы хотите что-то сказать?

— Нет, нет, Владимир Ильич.

Откинувшись на подушки и продолжил диктовку. Он пояснял теперь, что подразумевал под устойчивостью Центрального Комитета в первом разделе письма. Сказал, что основным в вопросе устойчивости, с точки зрения личных качеств членов ЦК, являются отношения Сталина и Троцкого, а затем перешел к характеристике их обоях и других членов ЦК.

Правдивая бесподобность его оценок раздавала слух. Мария Ахимовна старалась соотнести мысли оценки с обликом людей, которых хорошо знала, часто видела, привыкла уважать. Всемилюбие непринятые, барски поучительные, вспоминающиеся с точки зрения личных качеств членов ЦК, являются отношениями Сталина и Троцкого, а затем перешел к характеристике их обоях и других членов ЦК.

Очевидно, все же на этот раз врачи недостаточно учтывали это обстоятельство, наставив на режиме больничной изоляции. Мария Ахимовна вспоминает, что Ленин вынужден был прибегнуть даже к ультиматуму: если ему будет разрешено ежедневно диктовать «дневнику» (так обобщенно называл Владимир Ильич свои записи), или он совсем откажется лечиться.

Как-то выразилась у него многообъясняющая фраза, что он «боятся не успеть».

...Возвращаясь к себе в кремлевскую квартиру, Мария Ахимовна часто предавалась воспоминаниям. И часто приходила на память некий изображенный на памятнике на новогоднем балу в медицинском институте, встречая 1917-й.

Удивительно повернулась ее судьба в тот год! Да что в год — буквально в нескользкую неделю. Бурные митинги на площадях заканчивались часто стычками с жандармами — о, это было, конечно, увлекательнее занятий в анатомии. И Володичева вместе с неизменной своей подругой — тоже курсисткой медицинского института и тоже Марии — М. И. Глиссер — активным участником большевистских сходок, собраний и демонстраций. Когда в институт приехал Миллюк и начал свою красноречивую проповедь «войны до победного конца», Володичева и Глиссер демонстративно покинули зал, провожаемые осуждающими взглядами «благородных дам».

Вышли и... больше в эти стены не вернулись. Их институтом стала политическая жизнью.

В это время в Петроград возвратился В. И. Ленин. Готовился Апрельская конференция. Кто сообщил Е. Д. Стасовой, что Володич-

ева в октябре 1922 г. заставили и дальше оставаться в бездействии состоянии, он лишился бы последней радости... Работа для Владимира Ильища была жизнью, бездействие означала смерть.

Очевидно, все же на этот раз врачи недостаточно учтывали это обстоятельство, наставив на режиме больничной изоляции. Мария Ахимовна вспоминает, что Ленин вынужден был прибегнуть даже к ультиматуму: если ему будет разрешено ежедневно диктовать «дневнику» (так обобщенно называл Владимир Ильич свои записи), или он совсем откажется лечиться.

Нет ничего более далекого от правды.

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта! Какой огромный диапазон склоняющийся вопросов был им охвачен, продуман, решен, иногда вплоть до частности, самых конкретных предложений и пожеланий. Реорганизация партийно-государственного аппарата, пути и методы социалистического строительства в деревне, мере, обеспечивающие укрепление союза рабочего класса и крестьянства, национальную политику и интернационализм, научную организацию труда, вопросы культурного строительства и науки и т. д.

Реализация политики народного единства, вопрос о международном значении Октябрьской революции, своеобразных путях движущихся к социализму и в связи с этим — о догматическом и творческом отношении к марксизму...

Нет ничего более далекого от правды.

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

Чем умилительнее и тому, сколько успелось Владимира Ильища, — говорил Владимир Ильич за короткое время с 23 декабря по 6 марта!

<p

НА МОНАСТЫРСКОМ подворье трещало дерево, громыхало металлом. Люди с сумрачными лицами деловито отрывали оклады с икон, выдамывали части золоченого алтаря и бросали все это в крытый брезентом грузовик. Упразднили музей в Носифо-Волоколамском монастыре.

А чуть поодаль стояла, широко раскрыв глаза, девочка в школьном плате. Не могла понять: зачем разрушают красоту?

Не стало музея, где она так любила проводить время. Но остался собор. Там, слева от входа, была во всю стену роспись «Страшный суд». Только с детства знакомые ей фрески с годами тускнели. Домы и снег, попадавшие через пропол в курьи, делали свое дело.

Историю в ее школе преподавал директор Алексей Иванович Соколов. Высокий, подтянутый, ироничный, в аккуратно заштопанном офицерском кительке, оставшемся с войны, он любил повторять: «Память делает человека человеком. Бессознательный — значит неблагодарный».

Соколов бился во все двери, пытался доказать, что красоту и память, воплощенные в постройках и живописи монастыря, надо спасать. Но добившись ничего в начальственных кабинетах, он объяснял, что у школы будет собственный музей — на общественных началах.

Собирать экспонаты помогала ему вся округа. Вечерами директор, завуч и учитель строгали, пилили, склеивали рамы и стенды, делали макеты. К ним тянулись толковые ребята. А те девочки уже в школе пионеровожатой. Потом окончила институт. Стала учитель-словесником.

Татьяну Ивановну Бабурину часто можно увидеть на скромном сельском кладбище в Спирово, неподалеку от монастыря, где рядом, ограда и ограде, похоронены учителя ее школы. Покойится здесь и Алексей Иванович Соколов.

Умирал он тяжко. Перед смертью вспомнил бывшую ученицу. И попросил передать ей старию Библию.

Врач ли вы удивитесь, если скажу, что после смерти Алексея Ивановича Соколова Татьяна Бабурину тоже создала музей.

Саковники и крестьянская утварь, макеты окрестных памятников и книги — странное сочетание столь разнородных предметов, возможно, смущут строгого музейного работника. Но не те ли это самая благодетельная старина, что греет душу? И потому, каким бы ни был музей в школьном классе, он крепко памятит города.

Хорошие люди выходят у хороших учителей. А хороших людей среди ее учеников много. В маленьком городе это особенно заметно.

— Вы, наверное, у Бабуриной учились? — спросила я Людмилу Сергееву, сотрудничу районной библиотеки.

— А как же догадались?..

Догадаться немудрено.

Бабурина — больше чем учитель. По складу характера, по духу она просветитель в лучшем, стариинных значениях этого слова.

Дает плоды ее работы.

И в нынешнюю не удивляется, узнав, что и вокруг Людмилы Сергеевы любители литературы образовали, пусть и невеликое, но все же сообщество, которое помогает поддерживать достойный нравственный уровень жизни. У этого огня тепло и светло.

Эстафета духовности передается из рук в руки. Так они издревле было и должно быть. Но почему там случается не всегда?

Рассказку вам еще один волоколамский сочинил.

В ДЕКАБРЕ он загремел в больницу — подобралась «брончная» операция. Именно в этот момент его жена получила предписание милиции — в недельный срок покинуть пределы района. Оцените ситуацию: зимняя стужа, глядя семья на больничной койке, а жену с двумя дочерьми-школьницами вышвыривают на улицу.

Кто же он, человек, с которых решили обойтись так жестоко? Бич? Уголовник? Он музейный работник. И вина его ужасна: у него нет прописки.

Место действия — тот же Носифо-Волоколамский монастырь, где тридцать четыре года назад закрыли музей. Недавно его открыли снова, уже как филиал областного краеведческого музея. На должность заведующего пригласили Александра Владимировича Доминика, авторитетного специалиста, члена Союза художников, автора многих печатных работ.

Приехал на место, он увидел разруху, ветхость и запустение. От монастырского водопровода, отопительной системы, канализации не осталось и следа. Сотрудники музея мылись в корытах. Зимой топили печи. И Доминик стал энергично циновствовать среди обитателей. Появились симпатичные лоты парового отопления, санки, водопровод. Заведующему приходилось и самому метать махалку, брат в руки ложат.

И все это время он вынашивал идею: создать музей, не подобный ни на какой другой.

Вокруг монастыря, размытая им, будет пролегать пешеходный маршрут по окрестным деревням. И об Носифо-Волоколамский музей расскажут. Ведь погибен был личностью удивительной, одним из самых светлых и просвещенных умов русской культуры. Дружил с Домиником, помог современникам осознать высокие достоинства живописи Андрея Рубleva. Его идеи многие столетия оказывали влияние на развитие общественной мысли. В соборе разместятся выставки народных, можно воссоздать и келью переписчика книг, в зал особый оборудовать, в котором монастырь представляет средоточием русской культуры — литературы, искусства, архитектуры, музыки, философии. Планы строил человек, вертил эскизы, мечтал, загадывал... Я думаю, Доминик был хороший руководитель музея.

Планы его не суждено было осуществиться: Александр Доминик так и не получил штампа

Окончание. Начало в № 6 за 7 и 14 января с. г.

о прописке, не сподобился быть причисленным к числу граждан Волоколамска. Недоразумение? Не скажите! Целых два года понадобилось административной иерархии, чтобы вынести окончательный приговор: «Отказать!» Два года складывал Доминик решения облисполкома. Месяц за месяцем слышал в местных органах власти священническую фразу, словно произносимую ответчиком: «Издите ответ! Ждите ответа!».

А когда ответ пришел, милиция отреагировала с чрезвычайной оперативностью...

(Позже судьба, впрочем, оказалась к Александру Владимировичу благосклонной. Его пригласили в другой район на такую же должность. И там все устроилось наилучшим образом).

Но меня заботит мысль о городе, который потерял талантливого и толкового музейного работника. Он видел свое предназначение в просветительстве, был полон желания трудиться именно здесь, в Волоколамске. Но сиючайший момент этой возможности был лишен.

МОЖНО построить в тайге заводы и жилье, соорудить великолепные плавательные бассейны и дворцы культуры, возвести памятники и разбить скверы. Но если единственными жителями здесь останутся медведи и коуши, города не будет. Отсюда первый мой тезис: культурные делают город культурным жителем. Именно они ее хранители и творцы.

Культурный ли город Волоколамск? Я задал этот вопрос десятиклассникам города. Большинство ответили категорическим «нет».

Сдуло культуру школом истории, как сдувал плодородный газ распаханной целинной степи. Сначала разметало интеллигенты старого зала. Потом хаос войны, оккупации. Разруха. После войны новое население заместилось. Тут бы и пошли в рост дереву культуры. Только выдувает молодых, думающих людей из города студентским сквозняком. За последние двадцать лет уехали девять тысяч человек. Вот и не разрастается дерево культуры — лишь отдельные веточки зелеются. Высокие души, интеллигенты, просветители, интеллектуалы горюют ох как нужны. Но откуда им тут взяться, если город окружен прописочным забором...

Как должно быть чувство к тому или иному администрации находиться у клапана, через который населению отмеряются различные блага, в том числе и присвоение и числу граждан Волоколамска. Чиновнику, деркающему руку на вентиля, известно, кому следует допускать.

Слышу вопрос читателя: чего это ради районы городов Волоколамск стал вдруг недоступной зоной, куда не велено пускать посторонних, и в первую очередь интеллигентов?

Уж не притаился ли здесь некий сверхсекретный объект, который положено охранять со всей строгостью?

Ничего подобного. Вражеской агентуре тут

делать нечего. И куры по улицам бродят самые обыкновенные, и в задешних коровах не обнаружили и ничего секретного. И стан ворон кру-

• Носифо-Волоколамский монастырь и его основатель Носиф Волоколамский.

витии социальной сферы, тревожиться о том, как занять молодежь, какую бы работу поместить ее подросткам? Все равно завсегдати лимитчиков. А те будут «пахать» за прописку и затыкать брешь в экономике, которые то и дело здесь образуются.

Стонет право говорить, что важнейшее право людей, право на труд, гарантированное Конституцией, такая система попирает! Ведь она не дает человеку возможности работать там, где он хочет. Противоречит она и Всесоюзной декларации прав человека, подписанный нашим государством. Говорится в ней, что каждый человек волен передвигаться в пределах своей страны, куда ему заблагорассудится.

Но может быть, запреты диктуются какими-то высшими соображениями?

Стоит ли говорить, что важнейшее право

людей большие, чем приезжает. За это время город стал угрожающим стареть. В 1959 году дети до 15 лет составляли 29 процентов жителей. Теперь — 19. Трудоспособных волоколамцев сегодня не 55,5 процента, как раньше, а 48 процентов. Доля жителей пенсионного возраста увеличилась в два раза — с пятнадцати на половину процентов до тридцати трех.

Город необходимо естественным кровообращением социальных сил. В его организме должны циркулировать, переливаться рабочая сила, людская энергия. А механический клапан лишил город живой крови, забил его артерии тромбами.

ДО СИХ ПОР мы говорили о том, чем озабочен был человек в вентиля. А надо бы сказать и о том, что он вообще не делал, хотя сделал бы обязан. В Волоколамске выпускникам школ не приходится особенно выбирать, куда руки приложить. Парни светят дорога в шахты, либо на авторемонтный — гайки крутить, или на литеобъемно-механический. Девушки — в ткачих, швеи или дюпки.

Не закрывать город, не обносить его забором, а создать места приложения сил, дать людям интересную работу — вот что необходимо.

И потому следующий мой тезис звучит так: чтобы возвращать город, нужно дать возможность людям честным, работникам, талантливым найти в нем дело по душам, проявить себя там, где они хотят. Городом должны руководить реальный экономический интерес. И если здесьние предприятия и организации передадут на настоящий, а не фиктивный хорасчет — неизбежны изменения и лучшему.

Ростки таких изменений и вину на ткацкой фабрике, которой руководит Александр Петрович Лифренко. Первое, что он сделал, приидя на нынешнюю свою должность, стал отсыпать назад бумаги, которые получал сверху. Революция на них стояла такую: «Возращаю за ненадобностью». Другому это, может быть, стоило бы головы. Но предпринятое работает четко. Фабричный поселок бодроустраивается. Лифренко вонзился от присяжных рабочих, но дела у него идут лучше, чем когда-либо. Зарплаты растут. Социальная сфера развивается. Ребята и девушки из фабричного поселка, который входит в черту Волоколамска, остаются после школы на предприятиях. Все это произошло в считанные годы, благодаря хорасчеству. Конечно, человек в вентиля страсть как любит решать за других. Но хорасчевые предприятия умеют это делать лучше. Они знают, какие рабочие места нужны им, какие нет, какие им нужны кадры и как разыть сферу приложения труда.

ОСНОВНЫМ фактором русской истории, говорил Чаварадзе, является география. Волоколамск благодаря своему географическому расположению появился (или волею стояла, на торговом пути от Балтики к Каспию). Это обстоятельство и сейчас могло бы оказать ему хорошую услугу. В городе и его окрестностях столько исторических памятников, что остановиться и сидеть на них не хватит. Рядом с ними стояла такая: «Возращаю за ненадобностью». Другому это, может быть, стоило бы головы. Но предпринятое работает четко. Фабричный поселок бодроустраивается. Лифренко вонзился от присяжных рабочих, но дела у него идут лучше, чем когда-либо. Зарплаты растут. Социальная сфера развивается. Ребята и девушки из фабричного поселка, который входит в черту Волоколамска, остаются после школы на предприятиях. Все это произошло в считанные годы, благодаря хорасчеству. Конечно, человек в вентиля страсть как любит решать за других. Но хорасчевые предприятия умеют это делать лучше. Они знают, какие рабочие места нужны им, какие нет, какие им нужны кадры и как разыть сферу приложения труда.

Подобный туристический центр потребует множество работников новых специальностей: от экскурсоводов со знанием иностранных языков — до поваров высшего класса, от мастеров по обслуживанию кондиционеров — до гостиничных администраций.

Глядиши, и молодежь станет оставаться в городе. Корни пустят. Возникнет замечательный плац людей оседлых. Человек оседлый и создает культуру. Он ее хранитель и творец. И если однажды горожане опущут переход в новое качество и смогут с гордостью сказать: «Наш Волоколамск — культурный город».

Возможность проявить себя в деле — начало культуры.

У человека при вентиля впервые есть в запасе главнейший козырь.

Рассуждая стратегически, — значительный голосом говорит он, — режим прописки необходим. Представьте, какая лавина придет к городу, если у него идут лучше, чем когда-либо. Зарплаты растут. Социальная сфера развивается. Ребята и девушки из фабричного поселка, который входит в черту Волоколамска, остаются после школы на предприятиях. Все это произошло в считанные годы, благодаря хорасчеству. Конечно, человек в вентиля страсть как любит решать за других. Но хорасчевые предприятия умеют это делать лучше. Они знают, какие рабочие места нужны им, какие нет, какие им нужны кадры и как разыть сферу приложения труда.

По генеральному плану, разработанному в середине семидесятых, численность населения в городе и соседнем с ним поселке Приокский в 1985 году должна была увеличиться до 27 тысяч человек. А фактически к этому моменту было 22,1 тысячи. И сейчас до расчленит цифры далеко. Странно, если иметь в виду, что стратегический план все время действует. Усматривается сверху перенаселение — можно вентиль прикрыть, в случае необходимости — притормозить.

Уже тридцать лет из Волоколамска уезжают

• Алексей Иванович Соколов: «Память делает человека человека».

• Татьяна Ивановна Бабурин: «Мыслить способствует. Созерцать открывает. Наблюдать исходит».

• Из рук в руки передавали во все времена очень духовности сокровища культуры. Пойдут ли по их жалобу следы эти новые ходоламы? Будут ли они снять с отчаянья разрушенное, доброе, вечное?

Рассказ мой о Волоколамске подошел к концу. Речь в этих письмах из подмосковного города шла по существу об одном: о том, как приказная система преуспела в стремлении сплестать живую жизнь множеством пут. И как жизнь, несмотря на то, стремится из этих пут вырваться. Ради того, чтобы жизнь одолела мертвичину, и задумано то, что мы называем Перестройкой. От того, чтобы суметь ли благотворному процессу помочь, зависят наше дальнейшее существование — состояние экономики, культуры, весь наш образ жизни. Обретем самостоятельность мысли. Память и возможность поступать в соответствии со своей природой и своим делом — сможем идти дальше вперед. Ближе к свету.

И. МЕДОВОЙ.
Фото автора.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

КУДЕСНИК ЗОВУТ МА ЧЖИХУА

НАД НИКИМ с покатой крышей домиком, каких в Пекине великое множество, в прочтите надпись — «Бантиков лавка». Под ней — витрина в подстенки и входная дверь.

За прилавком стоял смуглый человек лет тридцати пяти, — Лечу все, кроме СПИДа и гомосексуализма, — вскакивал золотые лавки. Мой китайский знакомый, страдающий спондилезом, незаметно толкнул меня в бок: мол, пришли по прямому адресу. Я не успел ответить, как человек за прилавком попросил меня дать ему проруку. Его гибким, прохладным пальцы быстро нащупали пульс и замерли.

Люди, он обрек: — Руки и ноги слабые. Голова голова. Будем зажигать огонь и впускать воду.

— Не будем, — послышалось отвягтия и подтолкнуло к прилавку знакомого. Хоззин лавки обвел меня презрительным взглядом. Молча полез в нагрудный карман и почти торжественно вынул какой-то документ в голубой обложке размером с известный всем пропуск, закатанный в прозрачный пластик. Когда я его развернул, то увидел большую круглую печать красного цвета. Она удостоверяла, что изображенный на фотографии Ма Чжихуа — тот золотой лавкин — состоит во Всесоюзной ассоциации лиц, обладающих особыми способностями, является сотрудником научно-исследовательского отдела особых способностей человека при Институте китайской народной медицины.

— У меня спондилез, — подал голос мой приятель и противно обладателю особых способностей руку.

Тот даже не отреагировал на название болезни. Сам исследовал пульс, обратил внимание на цвет лица, прислушался к голосу пациента, его движению, осведомился о симптомах болезни, причинах и течении. Потом попросил нас и еще двоих покупателей отойти к стекне и стать участниками бесплатного для нас, но не для приятеля, лечебного сеанса.

Хоззин лавки преобразился. Лицо как-то потемнело. Уши, напротив, покраснели. Подбородок заострился. А между бровями пролегла глубокая складка. Он быстро-быстро маканил шапки заходил туда-сюда, потирая руки. Наплыл себе из термоса большую кружку кипятку и начал время от времени откладывать ее на чайник, чтобы не остывала.

Но вот он замер. Глаза напились кровью и стали как бы обрамленными изнутри. Его левая рука, вытянутая вправо,

правильная к нам, словно ощущала что-то и стала раскинуться. Стоя к нему лицом на слегка расставленных ногах и с опущенными руками (такую позу он просил принять здесь), я почувствовал, как-то легко, но властно толкал меня назад-перед. Решив напрочь мышцы, чтобы удержать равновесие, но из этого ничего не получилось. Скосил глаза — оказалось, краячаты были. Постепенно не послушное мое тело стало так наклониться, что, казалось, вот-вот упадет, но какая-то сила удерживала его от падения. Чародей изменил движение рукой. Теперь наши тела начали вращаться по часовой стрелке, ступни ног же оставались на месте.

Удовлетворенный содчиненным, Ма возвратил нас в исходное положение. Ни-что не болело, ноствилосьилось никакого дискомфорта, напротив — во всем теле ощущалась необычайная легкость и расслабленность. Посидев с минуту на стуле, принял еще глоток кипятка, холдин лавки встал. Начал прислушиваться к пациенту и, подцепив палочкой что-то сплыть-таки невидимое, сунул на под.

— Где боль?

— Боль нет, — отвечал мой приятель, поглядывая на плечи. — А вот, соняя вернулась. Правда, не такая острая, как обычно.

Ма Чжихуа издал звук, похожий на рычание. Попросил пациента удалиться в пристройку и встать там за глухой стальной лицом к прилавку. Сам же, отрыв кипятка, с остервенением выбил зубами плюмажную дробь. Теперь его пальчики снова уперлись во что-то невидимое и долго пытались стиснуть на пол.

Но выполнить этот замысел не удалось, и лекарь не штуку рассердился. Он отбросил палочку в угол лавки и прислонился с застывшим выражением лица к прилавку. Сам же, отрыв кипятка, с остервенением выбил зубами руки не поизнавались. Засузыбивши, врачебатель властным жестом приказал им опуститься. И они хотя очень медленно, но выполнили эту команду.

Хоззин лавки опустился на стул, принял к кружке с кипятком. Потом встал и начал старательно сжимать руками незримый шар, что-то приговаривая. Первым недалеко почувствовалось мои со-сед справа. Он застонал и согнулся вперед. То же сделали и другие клиенты. Я почувствовалась неизвестное, даже болезненное сжатие мыши живота.

— Не беспокойтесь: это упражнение помогает пищеварению и кровообращению, — пояснил свой действия Ма Чжихуа и вскоре взмахами обеих рук снял с них все непрятные ощущения.

Через несколько минут врачебатель поставил последнюю фотографию моего приятеля, вытащил руки и прислонился к ним дыркировать. В это время со словами «я этого не хочу» мой приятель медленно, как пумка, пошел с открытыми глазами вдоль прилавка сначала в одну, потом в другую сторону.

Олег МАСТРОКОВ.
(Корр. ТАСС).
ПЕКИН.

Ма уточнил у обладателя спондилеза, где болит. Болела спине под правой лопаткой, и врачебатель повернул его спиной к себе, отбил кипятку, громко пощелкал зубами и, взял в правую руку kostную палочку для ады, сперва постучал о край прилавка, а затем начал рисовать ю в воздухе замысловатые узоры.

— Чувствуете тепло под лопаткой? — спросил врачебатель.

— Ощущаю.

— А на погонице?

— И на погонице.

Хоззин лавки быстро приблизился к пациенту и, подцепив палочкой что-то сплыть-таки невидимое, сунул на под.

— Где боль?

— Боль нет, — отвечал мой приятель, поглядывая на плечи. — А вот, соняя вернулась. Правда, не такая острая, как обычно.

Ма Чжихуа издал звук, похожий на рычание. Попросил пациента удалиться в пристройку и встать там за глухой стальной лицом к прилавку. Сам же, отрыв кипятка, с остервенением выбил зубами плюмажную дробь. Теперь его пальчики снова уперлись во что-то невидимое и долго пытались стиснуть на пол.

Но выполнить этот замысел не удалось, и лекарь не штуку рассердился. Он отбросил палочку в угол лавки и прислонился с застывшим выражением лица к прилавку. Сам же, отрыв кипятка, с остервенением выбил зубами руки не поизнавались. Засузыбивши, врачебатель властным жестом приказал им опуститься. И они хотя очень медленно, но выполнили эту команду.

Хоззин лавки опустился на стул, принял к кружке с кипятком. Потом встал и начал старательно сжимать руками незримый шар, что-то приговаривая. Первым недалеко почувствовалось мои со-сед справа. Он застонал и согнулся вперед. То же сделали и другие клиенты. Я почувствовалась неизвестное, даже болезненное сжатие мыши живота.

— Не беспокойтесь: это упражнение помогает пищеварению и кровообращению, — пояснил свой действия Ма Чжихуа и вскоре взмахами обеих рук снял с них все непрятные ощущения.

Через несколько минут врачебатель поставил последнюю фотографию моего приятеля, вытащил руки и прислонился к ним дыркировать. В это время со словами «я этого не хочу» мой приятель медленно, как пумка, пошел с открытыми глазами вдоль прилавка сначала в одну, потом в другую сторону.

Олег МАСТРОКОВ.
(Корр. ТАСС).
ПЕКИН.

ОБЫКНОВЕННЫЙ РАСИЗМ

Белого дома Патрик Бьюнер на страницах «Нью-Йорк пост» с леном у рта обвинял авторов картин, а заодно и весь кинематограф, в «клевете» на Соединенные Штаты. К этой кампании присоединилась даже такая «солидная» и весьма авторитетная в консервативных кругах газета, как «Уолл-стрит джорнал», называвшая «параноидальной фантазией» мысль о том, «будто Америка проникнута духом расизма».

Выбор подобной темы не случаен для Кости-Гавраса. Этот французский кинематографист, грек по национальности, считается при-

веден не в состоянии опровергнуть эти и другие подобные снедиства и фантазии, позволившие создателям картин в сообщении для печати в связи с ее выходом на экран заявить: «Факт и вымысел разделены узаком». Рассказанные в «Преданных» истории — вымысел, но узак, который в ней заключен, — реальность. «Эти люди здесь, среди нас», — говорил Коста-Гаврас о действующих лицах

своего произведения. Он говорит на том же языке, ведут такой же образ жизни. Зрители не могут заявить: нет, это не про нас».

Действительно, единомышленники режиссера наибольшее высоково оценивают, а противники — ощущение предвзятости в отношении работы над фильмом предшествовало кропотливое исследование с привлечением материалов печати и независимых экспертов. Помимо трагической истории расправы над Аланом Бергом, в рабочих дневниках («Осадное положение») и другие. Поэтому, что именно и нему обратился американский продюсер Ирин Уинклер (один из его фильмов «Загнанные лошади пристреливают, не правда ли?») — хороший известен советскому зрителю) с предложением сделать картину о разгуле ультраправых в США. «Преданные» — первая «американская» фильм Кости-Гавраса. Из-за острого политического содержания практически все его прежние картины снимались не в тех странах, которые были местом действия на экране. Съемки последней изданы — в основном в Чикаго. Вымысел, изображавший подземный гараж, где его ужаждут, а также сцену в маске народного героя, сняты в Чикаго. Кинофестиваль в Чикаго, который вспоминает о том, что чернокожий проповедник сложил голову на алтаре, и закрыло глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза».

«Лондон Уильямс и его жена Тамми, обвиняемые в подготовке покушения на участника президентской предвыборной кампании Денниса Димитрова, признали свою причастность и организацию, проводившейся в Чикаго, с целью распространения идеи чернокожего американца» — в фильме «Преданные» — первый «американский» фильм Кости-Гавраса. Из-за острого политического содержания практически все его прежние картины снимались не в тех странах, которые были местом действия на экране. Съемки последней изданы — в основном в Чикаго. Надеялся на то, что картина будет в основном заключена в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он рассказывает Кэти, что боялся кроин. «Каждый раз, когда надо нажимать на курок, я закрывал глаза» — скрупулезно признается он. И все-таки этот незад для нацистов проявил себя в основном в фильме образа самого близкого друга и одного из главных подруг Симонаса, которого все зовут «Коротышка». В минуту откровенности он расс

GABIN

par André Brunel

Préface de
André Brunel

ROBERT LAFFONT

— МЕСЬЕ Жан Габен!

Разговор мог бы начаться и вежливо. Три слова, оброненные низким, рокочущим голосом, который в очень хорошо знал, хотя до сих пор слышал только с экрана. Я ждал коричневого «От кого?» и заревел сказал себе: «Поспешно огорчить его, пока он не поискал трубку!»

Идет 1952 год, мне двадцать шесть лет, и я звоню Жану Габену из бистро, что в парижском пригороде Аржантей, где я живу. Сыны часов звонят, телефон стоит на краю стойки. Меня толкают посетители, спешащие закрыть аперитив. Рядом девушка, готовая отдать жизнь ради выигрыша во флирте. Она суетится, трясет аппарат и издает истерические крики, наблюдая за непредсказуемым богом стального шарнира.

Меня поднимает крикнуть: «Ах! Заткнись, и говорю по телефону с Жаном Габеном!» Но мне ярд за ярд поворачивает. Нормально, я бы и сам с трудом... Однако в произношу в трубку:

— Я звоню вам от имени братьев Превэр...

Это немного похоже на шутку из фильма Жана Реноара, и в слышу короткий смешок Габена. Я бросаюсь в расщелину и послышал изглагол свои дела: видите ли, я занимался кино-клубом в Аржантее и подготовка вечер, где будут демонстрироваться отрывки из его лучшее довоенных фильмов. Мод, Жан и Пьер Превэр посоветовали позвонить ему, синтез, что это заинтересует...

— Спасибо, это очень мало с вашей стороны, но когда состоится эта ваша штука?

Он вежлив, но меня терзает мысль, что из этого обмена фразами в изложении лица удовольствие от единственного в жизни разговора по телефону с Жаном Габеном.

— В будущий вторник... — роняю я.

Готов спорить, что знаю ответ.

— Н-да, но не позволь! Я уезжаю из Парижа в воскресенье... Я выиграл пари у самого себя, однако расстроен.

— Скорее мне не позволь...

— Я должен присоединиться к жизни не я... Вы не можете перенести свой сеанс?

Он разыгрывает меня, и уверен в этом! Жаль, что не могу поймать его на слове, но кинозал у нас только в те дни, когда нет сеанса, и в том же в должном вернуть бобины с пленками не позднее среды.

— Понимаю. Глупо, но вы заставили меня всплеск...

Он замолкает. Его молчание так раздражает меня, что я готов прервать его, сказав: «Не мучайтесь, я не сонниковал, что...»

— Могу ли я вам перезвонить через час? — вдруг раздается густой голос.

Уверен, из-за братьев Превэр он мандаринчиает со мной перед тем, как посыпать куда подальше.

— Лучше я сам перезвоню... — с недоверием отвечаю я.

— Как пожелаете... Значит, через час...

Он вешает трубку. Я тоже.

Девушка радуется выигрышу.

А что выиграл я?.. Ни капли сомнения — еще целый час болтаться здесь за просто так. Кроме того, из-за этой идеи пригласил на вечер Габена и задержал заказ афиши в типографии. Придется мне с приятелями расклеивать их за три дня до сеанса, будет Габен или не будет. Опять провожаю целую ночь среди ребят из Компартии — они, как и мы, начальные гулики с кистями и ведрами клея.

Час прошел, и без особой охоты вновь набираю номер Габена.

— Я только что дозвонился до женщины... Она немного дуеться, но вструщается с ней лица в среду, а значит, смогу посетить эту вашу штуку?

— Я не верю собственным ушам.

— Но есть одна проблема... Я без колес, тачку забрала женя... Вы можете заехать за мной?

Да в полечу за ним на Луну, если он вдруг окажется там!

Только подумайте — доехать до улицы Эдуар-Норье в Нейи...

Я несусь в типографию на спасок сочиняю текст большой афиши. Раз надо, так надо — Габен в Аржантее, такое должно неделать...

— Что Жан Габен собственный персоной

будет участвовать... будет присутствовать...

Короче говоря, в последнюю подсыпало самую ударную формулировку, а когда наскаку, то от радости не замечавшую ее ухоскающую нелепость. Расклеенные в следующую ночь афиши. Раз надо, так надо — Габен в Аржантее, такое должно неделать...

Он вспоминает, что рядом никакие машины, опасной и для ее пассажиров.

Меня терзает предчувствие, что мне с трудом удастся убедить Габена, будто эти пушкообразные колбасы на плаках совсем не опасны, хотя в это время не сидит и не уверен. Позже, узнав его, в чисто думал, что интуитивно правильно поступил в тот день, отказавшись от танка «Племян», ибо, хотя Габен и комендовал танком во время последней войны, возвращаясь в армию не хотел предпочел бы оставаться дома, а не сидеть в этот почти военный экипаж. И тогда я бы не узнал его.

К счастью, один из приятелей, учитель, нынешний зарплаты имела неоспоримое преимущество перед мной в том, что было регулярной, только-только приобрел один из первых «рене». Итак, все устроилось, и мы были готовы принять его.

В тот вечер, когда должен состояться сеанс, я, перед тем как отправиться в машине приятеля-учителя за Габеном, не без гордости бросил последний взгляд на афиши, которые возвещают о приезде именитого гостя.

Мои глаза открылись вспышкой, и в ужасе кричу приветно:

— Стой! Тормози!

Вылезло из машины и ошарашенно разглядывало афиши.

Имя Жана Габена на нужном месте набрано искривленными красными буквами — оно блескает, но еще больше блескает меня в это мгновение мрачное словосочетание, следующее за ним:

«ВО ПЛОТЫ»

Габен во плоти! Я раздражен собственной «невидкой!» Потому что не добавил даже такого: «Жан Габен, актер парижских театров и кино» или «занимательный и хорошо известный актер». Короче говоря, Габен не должен видеть задника папы. Я забегаю в кафе, звоню товарищу и ставлю перед ним зонтичную задачу — мобилизовав всех и любыми средствами стереть в течение часа «ВО ПЛОТЫ» с афиши, которые могут попасть на глаза Габену во время поездки по городу и, конечно, с тех, кто украсили витрину кинотеатра.

Почти успокоившись, я вместе с приятелем-учителем прен-

Жан Габен. Актер удивительного обаяния, со скромной манерой игры, он покорял в любой роли. Такова же природа истинного искусства — мы нередко отождествляем экранный героя и исполнителя, отсюда во многом и интерес к личности актера, его судьбе.

У нашего зрителя такой интерес к Габену всегда был огромен, но вот книги о нем у нас не было. Как, впрочем, долгое время не было ее и во Франции. Появилась она лишь спустя десять лет после смерти актера, занимавшего неоспоримое первое место во французском и европейском кино. Написал ее Андре Брюнелен, человек, друживший с Габеном более двадцати лет, бывший одно время его пресс-секретарем. Еще в начале знакомства с Габеном он говорил, что напишет мемуары. Мемуаров не получилось — получилось удивительное повествование, где голос Габена перемежается с голосами других людей — его близких, друзей, знакомых...

И можно только порадоваться тому, что издательство «Искусство» решило выпустить книгу Андре Брюнелена, фрагменты из которой мы и предлагаем читателю.

Андре Брюнелен:

«Ради Габена — хоть на Луну...»

жую к Габену. Он сам открывает капельку сада собственного дома и приглашает нас в гостиную. Он любезен, улыбается, но тут же заставляет меня поклоняться, что ему не придется произносить речей. Я клинусь во всем.

— Поймите, я не умею говорить на публике, это выводит меня из себя, поэтому не устраивайте мне такой подвиги...

Он одет в черный пиджак из кашемира, на нем серые фланелевые брюки и твидовый пиджак от «Барберона».

Мы с приятелем уложившись в восхитительные костюмы. На нас белые рубашки, галстуки. Все это куплено в «Дешевом счастье», самом шикарном магазине нашего квартала.

— Я не думал, что этот вечер требует светских одежд, — лукаво поглядывает на нас, проносит Габен, как бы извиняясь за свой «будничный» наряд.

— В такой одежде вы не будете выделяться среди местных, — лягает мой приятель-учитель, намекая на то, что у нас рабочий квартал.

Он близоруки и не может отличить пиджак, купленный на рынке Аржантей, от пиджака от «Хильдиге и Кэса Габена».

— Могу переодеться, — тут же заторчал Габен, несомненно, склонившись тем, что его подозревают в поисках дешевой популярности.

«По-тому делаю перевод: «Если, будете, так, продлывать, могу изменить свои планы и остаться дома». Я спешу прервать этот диалог на тему моды и уверяю его, что все хорошо.

На улице, увидев новехонький «рене», Габен не в силах сдержаться. Его восхищение повергает меня в ужас:

— Черт подери! Мне нужен ромж и тюбинг вазелина, чтобы втиснуться внутри, штопор, чтобы выбраться!

Мой приятель, гордящийся своим автомобилем, рассстремивается, Габен успокаивает его, весело усмехается и не без труда втискивается на переднее сиденье, подняв колени к подбородку. Я устраиваясь сзади. Позже я узнал, что он ненавидит налево машины, что вообще ненавидит все, что丑陋, что ему просто необходимо располагаться с удобством, ибо он страдает клаустрофобией в тесном пространстве.

Но в тот вечер мы попали на «доброго Габена», ибо он высказал свою неудовольствие только тем, что, усевшись, расстремнул верхнюю пуговицу брюк, — впрочем, позже я узнал, что его жест не имел никакого отношения к тесноте машины, а был привычкой: он делал это, как только садился.

Я посоветовал приятелю ехать помедленнее, поскольку тот недавно сдал права. Совет был излишен.

От удивления, что рядом сидит знаменитый человек, он ни разу не превысил скорость в пятнадцать километров. Мы плелись от Нейи до Аржантеля со скоростью омнибуса, и я опасался, что Габен от неудобств взбунтуется, как и я. Он был внешне довolen таким сенаторским выездом, и снова могу сказать, что позже узнал: он ненавидит скорость за рулем машины ведет себя с осторожностью умудренного жизнью кота.

На улице, увидев новехонький «рене», Габен не в силах сдержаться. Его восхищение повергает меня в ужас:

— Черт подери! Мне нужен ромж и тюбинг вазелина, чтобы втиснуться внутри, штопор, чтобы выбраться!

Мой приятель, гордящийся своим автомобилем, рассстремывается, Габен успокаивает его, весело усмехается и не без труда втискивается на переднее сиденье, подняв колени к подбородку. Я устраиваясь сзади. Позже я узнал, что он ненавидит налево машины, что вообще ненавидит все, что丑陋, что ему просто необходимо располагаться с удобством, ибо он страдает клаустрофобией в тесном пространстве.

Стол был ужасающий!. На боковых стенах зала огромные выставочные портреты, нарисованные местными художниками, которые должны изображать некоторых кинозвезд с международной репутацией. Габен указывает мне на одно лицо между Гарри Купром и Мирион Лой.

— А это кто такой?

— Ну и ку! — его сопрягают смех, и он наконец-то расслабляется.

Целый час один за другим идут отрывки из фильмов «Пепе Мокко», «Знаменитые туманы», «Человек-зверь» и других. После каждого отрывка раздаются аплодисменты. Второй час вечера посвящен демонстрации ленты «День землетрясения».

Сеанс завершился продолжительной аплодисментной. Безусловно, люди оценили высочайшее качество фильмов, но она гремит в адрес того, кто играет в них, чья личность накладывает на них свой отпечаток.

Я чувствую, что Габен находится под сильным впечатлением того, что смотрят три часа. До сегодняшнего дня он ни разу не видел — впрочем и никто другой — такого объединения основных кадров из его фильмов. Он даже сказал мне, что многие фильмы не смотрел с домашней поры. Он широк от открытых и не сразу приходит в себя. Однако решается встать и приветствовать собравшихся: тем же жестом, что и в начале вечера.

Зал затихает. Все, конечно, ждут, что он будет говорить, как любой актер и режиссер, приходящий к нам, но ужасается не место и глядит на меня с видом побитой собаки.

— Месье Габен, — обращаясь к нему, повысил голос, чтобы слышали все, — вы заставили меня поклоняться, что вам не придется говорить...

К моему величайшему удивлению он подхватывает мое слово, как обычным разговоре:

— Хм, а вы хотели услышать от меня после всего этого? Спасибо... Спасибо всем присутствующим, потому что вы все сделали мне необычный подарок, о котором я не забуду...

Он говорит, сидя и глядя на меня с видом побитой собаки.

— Месье Габен, — обращаясь к нему, повысил голос, чтобы слышали все, — вы заставили меня поклоняться, что вам не придется говорить...

Зал затихает. Все, конечно, ждут, что он будет говорить, как любой актер и режиссер, приходящий к нам, но ужасается не место и глядит на меня с видом побитой собаки.

— Месье Габен, — обращаясь к нему, повысил голос, чтобы слышали все, — вы заставили меня поклоняться, что вам не придется говорить...

Приятель, сидя и глядя на меня с видом побитой собаки.

— Поймите, я не знаю, какое впечатление это произвело на вас, когда вы смотрели и пересматривали эти фильмы, но для меня они были ужасной восторгом... Я доволен, но я тоже забыл, что это типичный для Габена.

— Месье Габен, — говорю я, — я не могу забыть, что это типичный для Габена.

— Ну и как я могу забыть, что это типичный для Габена?

— Ну и как я могу забыть, что это типичный для Габена?

— Ну и как я могу забыть, что это типичный для Габена?

— Ну и как я могу забыть, что это типичный для Габена

Волшебная опера-балет «Млада» — поистине загадочное произведение. Сто лет назад директору императорских театров С. Гедеонову пришла идея о создании этой феерии силами композиторов «Могучей кучки», но по разным причинам она не реализовалась. Н. Римский-Корсаков, тоже ставший в «клипсе» ее будущих авторов, не забыл об этом замысле и в 1890 году самостоятельно осуществил его. Премьеру сыграли в 1892 году в Петербурге еще при жизни автора, но после шести спектаклей, не получивших признания зрителей, «Млада» сняли с репертуара.

Позже, в 1913 году, была сделана попытка поставить оперу-балет в Москве в театре Зимина, а в 1923 году — снова в Петербурге. Но удача так и не пришла. В чем же дело? Прекрасная музыка, изысканнейшая оркестровка, интересные сольные партии, множество эпизодических балетов, занимающий половину действия... Надо заметить, что в период написания оперы в музыкальном мире властвовал феномен Р. Вагнера, оказавшего огромное влияние на творчество многих композиторов. Не избежал его и автор «Млады». Система постоянных, не развивающихся лентмотивов — характеристика героя, достигающих предельного напряжения и никак не разрешающихся, огромные хоры, большие оркестровые номера, многогранность сюжета с возникающими сценами, видениями, шабашами... Может, прямая реализация этих событий и была причиной носуха сценического произведения?

Но вот через 65 лет после последней постановки «Млада» впервые и к ней обращается Большой театр СССР. Инициатором ее возрождения был дирижер А. Лазарев. Это его первая работа в качестве художественного руководителя и главного дирижера театра. Онставил цель — слепить на равных в работе над постановкой оперы-балета все творческие цехи театра: оперу, балет, хор, оркестр, миниатюрный ансамбль, найти ключ к воспроизведению музыкального великолепия «Млады», внести заново в действенный фонд советской культуры.

К осуществлению этого грандиозного замысла были привлечены ведущие мастера музыкального театра — режиссер Б. Покровский и художник В. Левенталь. Постановщики уже имели опыт совместной работы при написании одноактного из самых психологических произведений оперной классики — «Игрока» С. Прокофьева, а сейчас им вместе с балетмейстером А. Петровым предстояла задача воссоздания произведения, где важна не психология героев, а проявление поступка, метафоричность поведения.

Римский-Корсаков сочинил это произведение на потребу императорской публике, — го-

рилось в молодом зрите подлинную радость от встречи с искусством. Этой непростой задаче мы будем решать в тесном сотрудничестве с работниками всех школ, ПТУ, вузов, комсомолом. Художники, умевшие мыслить как педагоги, объединились с педагогами, способными чувствовать как художники, — констатировал А. Лазарев, волшебный синтез чудесной скопии великого мастера композиции и оркестровки Н. Римского-Корсакова: гибкое соединение лирического пения струнных, торжественная праздничность мири и таинственность деревянных инструментов, тонкость оттенков, изменчивость насыщенного звука. А на сцене огромная масса хора, балета, миманса адекватно оркестровому звучанию, пластически, почти потанцовано следуя за оркестром, то распадается на отдельные группы и голоса, то сливается в мощное пластическое тутти. Всегда в динамике, переходе из одного положения

АФИША

Малая сцена молодых

Спектаклем по остросоциальной пьесе «Я стою у ресторана...» началась свою биографию малая сцена Ворошиловградского областного музыкально-драматического театра.

— Теперь наши молодые актеры, режиссеры, художники будут иметь прямой контакт со зрителями, — говорит директор театра В. Козенко. — Наша задача — пробудить добрые чувства у юного поколения, за-

ВОРОШИЛОВГРАД.

КОНЦЕРТЫ

Школа дирижеров

Недавно в Риге был проведен необычный конкурс в честь 125-летия известного композитора и педагога, основателя Латвийской государственной консерватории Язела Витолса. В нем участвовали восемьдесят лучших студентов дирижерско-хоровых отделений из консерваторий Ленинграда, Таллина, Вильнюса, Минска и Гурьева.

Три этапа конкурса, по ходу которых нужно было продемонстрировать свои знания и умение разучивать, исполнять с хором сложные вокальные и вокально-инструментальные произведения. Я. Витолс, мировой классик и современный переподаватель, лучше всех преодо-

лели студенты из Латвии и Ленинграда — Андрис Вейнманис и Евгений Сироткин. Жюри присудило им два первых места. Лауреатами стали также Хирво Сурэ из Таллина и Марис Катайс из Риги.

О значении конкурса рассказал один из инициаторов его проведения ректор Латвийской консерватории профессор Имант Конкарс:

— Дирижерско-хоровые отде-

ления есть почти во всех консерваториях нашей страны и стран социалистического содружества. Однако студенты этого отделения не имели такого важного элемента профессиональной подготовки, как конкурс.

Для рижского смотра впервые удалось создать специальный международный зор, что поставило дирижеров в равные условия. С этой целью каждого из музыкального вузу было предложено прислать в Ригу девять корифей с соответствующими голосами.

РИГА.

Начну с кулаков. Нет, пожалуй, со школьными воспоминаниями. Не знаю, как сейчас, а тогда, в самом конце 60-х, наш класс был организован по принципу феодальной монархии. В нем был свой король — первый красавец, спортсмен и музыкант. Он, как и положено, имел свою свиту рыцарей. И первым бойцом в ней, я, значит, и правой рукой короля, был Бон (Николай Бон по классному журналу). Кулаками он работал лхо (на себе испытывал) — в драках всегда выступал первым и уходил из них последним. И что интересно — именно он из всей свиты вызывал у меня не только страх, но и невольное уважение. Безоговорочно призналась тот факт, что король — это король (по факту социального, материального и интеллектуального превосходства). Бон тем не менее много позволял себе спорить с ним, когда тот, например, малоизвестно прощал нарушителей, даже или рабочих бунтовщиков. Бон никогда не прощал. Он утверждал кулаками и себя, и «ко-нархическую идею» (плюз, в армии, я встречал «дедов», которые сами по себе были вполне нормальными и хорошими парнями, но, боже мой, как же разностично они служили «дедовщиками»). Бон, преданный не только господину, но и господской идеи, — что может быть страшнее?

Я вспомнил Бога, когда смотрел ленту Ю. Щекочихина и В. Бычкова «Меня зовут Арлекино» («Белорусский фильм»). О фильме и его герое много писали — кто «зак», кто «протаг», но, как мне показалось, в одном критике были единодушны с создателями картины, трактованиями Арлекино как образ эдакого молодого бунтаря или даже борца «против социальной несправедливости» (пусть и упрощенно воспринимаемой им только в виде существования богатой «клэшевой» молодежи). Действительно, он — дитя рабочего поселка, Бареков и материн-одиночки — проносит гневные монологи против «деловиков» с их «стажами», «аффириями», престижными родителями и институтами. Но ведь ведет свою культивированную войну в «материнском» — группировкам, которые стоят на одной с ним ступени социальной лестницы. Да-

вился на первой встрече с исполнителями постановщик спектакля Б. Покровский, — и мы это используем, даже подчеркиваем в нашем спектакле: у нас будет специальная сцена с императорским балетом, и эта реальность XIX века будет усиливать представляемую языческую часть. Мы посмотрим на эту волшебную оперу-балет как бы отстраненно, по-брехтовски, из ХХ века. И это будет не электрическая, мы должны обрести гармонию противоположностей. Нам нужно найти и выразить театральность произведения, видимо, не изнаруженную ранее при прежних постановках.

Решение этой непростой идеи представления театра в театре требовало и соответствующей атрибутики. Вспомнилось о старом занавесе, так называемом Аполлоне, закрывавшем ранее сцену Большого театра. Как создать его колпак? И вот чудо: нежданно подскочил

в другое. И солисты, следя нарастающему напряжению своих лейтмотивов, достигают предела вокально-эмоционального и действенного состояния, чтобы вслед за музыкальными характеристиками уйти, оставив в огромной пустоте сцену свои «образы-души» в виде застывших в статуе музея-масок.

Отличительная особенность массовых сцен в том, что каждый из двухсот пятнадцати участников спектакля имеет яркое задание, свой характер, свое сценическое поведение. Б. Покровский неукоснительно добивался от артистов постоянного соучастия в действии головой, телом, мыслю, «ни на минуту не выходить из него». Таковы «Праздник Купала», «Торжество», «Моление Радегасту» да и все другие.

— Этот спектакль буквально ставить нельзя, только через образы, метафоры, — считает

Позже, в 1913 году, была сделана попытка поставить оперу-балет в Москве в театре Зимина, а в 1923 году — снова в Петербурге. Но удача так и не пришла. В чем же дело? Прекрасная музыка, изысканнейшая оркестровка, интересные сольные партии, множество эпизодических балетов, занимающий половину действия... Надо заметить, что в период написания оперы в музыкальном мире властвовал феномен Р. Вагнера, оказавшего огромное влияние на творчество многих композиторов. Не избежал его и автор «Млады». Система постоянных, не развивающихся лентмотивов — характеристика героя, достигающих предельного напряжения и никак не разрешающихся, огромные хоры, большие оркестровые номера, многогранность сюжета с возникающими сценами, видениями, шабашами... Может, прямая реализация этих событий и была причиной носуха сценического произведения?

Но вот через 65 лет после последней постановки «Млада» впервые и к ней обращается Большой театр СССР. Инициатором ее возрождения был дирижер А. Лазарев. Это его первая работа в качестве художественного руководителя и главного дирижера театра. Онставил цель — слепить на равных в работе над постановкой оперы-балета все творческие цехи театра: оперу, балет, хор, оркестр, миниатюрный ансамбль, найти ключ к воспроизведению музыкального великолепия «Млады», внести заново в действенный фонд советской культуры.

К осуществлению этого грандиозного замысла были привлечены ведущие мастера музыкального театра — режиссер Б. Покровский и художник В. Левенталь. Постановщики уже имели опыт совместной работы при написании одноактного из самых психологических произведений оперной классики — «Игрока» С. Прокофьева, а сейчас им вместе с балетмейстером А. Петровым предстояла задача воссоздания произведения, где важна не психология героев, а проявление поступка, метафоричность поведения.

Римский-Корсаков сочинил это произведение на потребу императорской публике, — го-

рилось в молодом зрите подлинную радость от встречи с искусством. Этой непростой задаче мы будем решать в тесном сотрудничестве с работниками всех школ, ПТУ, вузов, комсомолом. Художники, умевшие мыслить как педагоги, объединились с педагогами, способными чувствовать как художники, — констатировал А. Лазарев, волшебный синтез чудесной скопии великого мастера композиции и оркестровки Н. Римского-Корсакова: гибкое соединение лирического пения струнных, торжественная праздничность мири и таинственность деревянных инструментов, тонкость оттенков, изменчивость насыщенного звука. А на сцене огромная масса хора, балета, миманса адекватно оркестровому звучанию, пластически, почти потанцовано следуя за оркестром, то распадается на отдельные группы и голоса, то сливается в мощное пластическое тутти. Всегда в динамике, переходе из одного положения

обнаруживают в запасниках театра почти неизвестные сценические канделябры при торжественном церемониале строгие канделябры, он предстает перед зрителем, вводя его в атмосферу оперы-балета как бы отстраненно, по-брехтовски.

А. Лазарев, вспомнился о старом занавесе,

который сделался для него колпаком, в шествии, загадочном, грозном и примрающим. Солисты оркестра стали персонажами, действующими на сцене. Они полноценно участвуют в картине появления Клеопатры, пластичной движением подчеркивая ими завораживающую мелодию. Специально для этой сцены были заказаны по старинным рисункам и указаниями в партитуре египетские лампы, которые сияют в руках артистов мимических группировок.

Мастерски выполнены оформление спектакля и

В. Покровский. — Музыку нельзя объяснить и иллюстрировать, она живая душа. Нужно со-здавать полифонию действий, как в оркестре.

И помните о слове. Оно смысл действия. Ди-

нами, еще раз динамика — неразрешимая пробле-

ма оперного артиста...

Изображение композиции режиссера необычайно привлекло в эпизоде прихода славия к жрецу Радегасту и в сцене гадания священных коней-масок, в шествии их, загадочном и торжественном, грозном и примрающем. Солисты оркестра стали персонажами, действующими на сцене. Они полноценно участвуют в картине появления Клеопатры, пластичной движением подчеркивая ими завораживающую мелодию. Специально для этой сцены были заказаны по старинным рисункам и указаниями в партитуре египетские лампы, которые сияют в руках артистов мимических группировок.

Мастерски выполнены оформление спектакля и

В. Покровский. — Музыку нельзя объяснить и иллюстрировать, она живая душа. Нужно со-здавать полифонию действий, как в оркестре.

И помните о слове. Оно смысл действия. Ди-

нами, еще раз динамика — неразрешимая пробле-

ма оперного артиста...

Изображение композиции режиссера необычайно привлекло в эпизоде прихода славия к жрецу Радегасту и в сцене гадания священных коней-масок, в шествии их, загадочном и торжественном, грозном и примрающем. Солисты оркестра стали персонажами, действующими на сцене. Они полноценно участвуют в картине появления Клеопатры, пластичной движением подчеркивая ими завораживающую мелодию. Специально для этой сцены были заказаны по старинным рисункам и указаниями в партитуре египетские лампы, которые сияют в руках артистов мимических группировок.

Мастерски выполнены оформление спектакля и

В. Покровский. — Музыку нельзя объяснить и иллюстрировать, она живая душа. Нужно со-здавать полифонию действий, как в оркестре.

И помните о слове. Оно смысл действия. Ди-

нами, еще раз динамика — неразрешимая пробле-

ма оперного артиста...

Изображение композиции режиссера необычайно привлекло в эпизоде прихода славия к жрецу Радегасту и в сцене гадания священных коней-масок, в шествии их, загадочном и торжественном, грозном и примрающем. Солисты оркестра стали персонажами, действующими на сцене. Они полноценно участвуют в картине появления Клеопатры, пластичной движением подчеркивая ими завораживающую мелодию. Специально для этой сцены были заказаны по старинным рисункам и указаниями в партитуре египетские лампы, которые сияют в руках артистов мимических группировок.

Мастерски выполнены оформление спектакля и

В. Покровский. — Музыку нельзя объяснить и иллюстрировать, она живая душа. Нужно со-здавать полифонию действий, как в оркестре.

И помните о слове. Оно смысл действия. Ди-

нами, еще раз динамика — неразрешимая пробле-

ма оперного артиста...

Изображение композиции режиссера необычайно привлекло в эпизоде прихода славия к жрецу Радегасту и в сцене гадания священных коней-масок, в шествии их, загадочном и торжественном, грозном и примрающем. Солисты оркестра стали персонажами, действующими на сцене. Они полноценно участвуют в картине появления Клеопатры, пластичной движением подчеркивая ими завораживающую мелодию. Специально для этой сцены были заказаны по старинным рисункам и указаниями в партитуре египетские лампы, которые сияют в руках артистов мимических группировок.

Мастерски выполнены оформление спектакля и

В. Покровский. — Музыку нельзя объяснить и иллюстрировать, она живая душа. Нужно со-здавать полифонию действий, как в оркестре.

И помните

СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

СМЫШЛЯЕВСКИЙ РЫНОК

Давайте вспомним, много ли хороших, добрых слов сказано о рынке! Его ассоциируют обычно с чем-то непристойным. Между тем рынок — самое посещаемое место в любом городе. Он своеобразный барометр нашего экономического положения, зеркало дефицита.

Кто проезжал по трассе Сызрань—Москва где-то полгода назад, вероятно, видел необычный павильон с дорожным знаком: «Товарищи водители! Не покупайте распределены по посторонним лицам».

Ближе к вечеру, когда движение на трассе нарастает, на круглом повороте, где водители невольно гасят скорость, напрягая зрене, у дороги появляются люди с новеньких блестящими распределами. Сердце каждого автомобилиста не дрогнет при виде этой весьма дефицитной запчасти?

— Продавши, что ли? — водитель нахмурял на тормоза.

— Подвезешь домой — продам, — невозмутимо отвечал «постороннему лицу».

— И сколько хочешь? — спрашивал хозяин машины, будучи уверененным, что распредел — не краденная пошада, можно купить за бесценок.

— 80 рублей за то, что ты хороший человек, — обляпал дельца торжественно вручая дефицит водитель. И пока тот изъяснялся «отставными» червонцами, вкрадчиво добавляя: — А если подвезешь домой — еще три продам...

Только очевидно простодумный человек мог отказатьсь от столь выгодной сделки. Одни «хипноты» купили сразу десять распределов, а когда приехал домой, выяснилось, что все они бракованые. Цыгане собирались на заводской свалке в Тольятти, наездники доводили до блеска и заворачивали в промасленную бумагу. Так обнаружился эффект и появился «упреждающий» плакат на трассе Сызрань—Москва. Но он, как ни странно, сыграл роль рекламы. Спрос на запчасти из-под колес стал еще больше...

Тут же почтескавшись выше руки: где все это происходит? Неужели рядом с ВАЗом, имеющим широкую сеть автосервисов! Да, есть в Тольятти фирмы автосервиса, но не изнутри в них распределов и прочих дефицитных запчастей. Приведем такой пример. В 1987 году «АвтоЗаводсервис», что в Балашихе Московской области, получило вместо полноменного ассортимента (распределов, резин и проч.) десять вагонов колесных дисков!!! Такое ассортимент не очень, видимо, вдохновляет автолюбителей. Поэтому и появляется на дороге дельцов с дефицитом. Спрос рождает предложение. И пока он не удовлетворен — железное правило: будут греть на этом спире руки жулики, обманщики...

Но возникает новая проблема, которая путает и без того печальную картину. Оказывается, на заводе дефицитные детали есть — их негде и некому продавать. Как говорят специалисты ВАЗа, «книга запчастей» мы не распологаем возможностью доставки их потребителям. Кризис в этой области настолько ужасен, что на том же ВАЗе запчастями забиты все стеллажи, все проходы. Потерян чистый имущество на складе продувки...

Так что же получается? С одной стороны, нет никаких деталей в физическом автосервисе. С другой — забытыми деталями стеллажи складов. Где же выход? Этот вопрос в задал старшему инспектору БХСС Куйбышевского УВД А. Левкову. Мы с ним стояли на том самом месте, где вспыхнул упреждающий, как называют его здесь, «цыганский» плаш.

— Выход один — автомобильный рынок — категорически запрещен, — мой собеседник. Есть у нас такой, специализированный, может быть, единственный на всю Россию... Хотите посмотреть?

Так оказалось, мы в районе Смышляевки, где по соседству с ВАЗом находится автомобильный рынок. Вот где воистине сосредоточено все запросы автолюбителей! Едут сюда со всех концов нашей деревни, где только ходят «Жигули». Кажется, время перestroек и гласности наступило всех сфер нашей жизни. А коснулось ли оно рынка? Что с ним сегодня происходит? Увы, на мой взгляд, мало что изменилось. Рынок и здесь захлестнула стихия.

Как и уже сказал, Смышляевский рынок — автомобильный. Тут наиболее строгие краины, серьезные люди. Но и тут есть жулики, шулера. Промышляют, кто чем может. В частности, игрой в наперстки. Мне довелось увидеть, как артистично обрапошили незадачливых партнеров один такой учарь — он переставлял наперстки, гоняя между ними шарик. Клиент должен был угадать, где он находится. Сначала он как-то странно угадывал и публике дружно вздыхали: взоры же человеку. Но, когда ставка поднялась и стала «больше чем жизнь», угадал, конечно же, игрок — смешливый, шустрый парень. Лишь тогда клиент сообразил что-то здесь недоделано, позвал милицию.

— Опять Виноградов, — сказал капитан укоризненно, увидев владельца наперстка. Из его кармана извлекли пятьдесят рублей...

Но, уверяю вас, можно пройти весь рынок, купить колеса для мотоцикла, щитки для «Ингульса» или тот же распредел и не разу не столкнуться с жуликом. «Каждый находит здесь то, что ищет», — разညорует А. Левков.

Кто заседает на рынке? Сложно сказать, что эти данными не располагают никто. Рынок в сущностиничий. Правда, с продавцами за вход берут деньги. Деньги только начались, а в Ури Клиновой, контролере, уже блестят продано на тысячу рублей. Вот и вся статистика, которой располагает дирекция рынка.

Все остальное «хозяйство» на рынке, как и в прежние времена, ведет милиция. Не меньше трех тысяч человек толкутся на небольшой площади, окруженней скопкой под открытым небом, где нет ни одной палатки с палатками, ни одной бочки с квасом. Я уже не говорю о скамейках, прилавках. Представьте только: эти лю-

ди могут увеличить товарооборот на десятки тысяч рублей, но об этом никто не думает. На возможностях рынка городские власти смотрят сквозь пальцы, с высоты исполнительских кресел.

Что же нешестает поставить здесь ларьки и бочки с квасом? Вот, скажем, сами жители поселка сразу оценили выгоду. Семь торговых точек открыли на рынке. Не подносах — стаканчики с тепленьким и квашеным молоком. Цена 50 копеек, зато, вкусно и жару — необходимо.

Конечно, рынок — это экономика, но это еще и культура народа, его язык, ум, смекалка. Одним словом — Смышляевка.

Вот машина с волгоградским номером. Первень лет 25 тягнет колпаками для колес. Легкие, красные колпаки невольно привлекают внимание.

— Красивые они, это видно, а вот прочность? — сомневается кто-то.

Продавец кладет колпак прямо на землю и приговаривает к нему. Колпак, прогнувшись, не ломается. Толпа с уважением затихает.

— А как ты их делал? — робко спрашивает кто-то.

— Делал в кооперативном методом вакуумного прессования.

Через ряд в нахожу еще одного продавца с волгоградским номером — он торгует сальниками, уплотнителями другой резиной. Изделия новенькие, словно заводские. Думаю: как не бояться продавца — ведь могут и привлечь к ответу за перепродажу.

— Так в салонах их берут, — улыбается он. — Их вымывают, как некондиционные наделки.

А в невольно вспоминаю цыгана с распределами.

Давайте вспомним, много ли хороших, добрых слов сказано о рынке! Его ассоциируют обычно с чем-то непристойным. Между тем рынок — самое посещаемое место в любом городе. Он своеобразный барометр нашего экономического положения, зеркало дефицита. Чем меньше товара — тем он дороже. Вероятно, потому и дергаются дурная слава вокруг рынка. Бюрократы от дразният своей неформальностью. Рынок нельзя отругивать или закрывать, как магазин. Лишь законы экономики способны как-то управлять его механизмом. Это стихия, которая не влияет на продавца — ведь могут и привлечь к ответу за продавца.

— Так в салонах их берут, — улыбается он. — Их вымывают, как некондиционные наделки.

А в невольно вспоминаю цыгана с распределами.

Давайте вспомним, много ли хороших, добрых слов сказано о рынке! Его ассоциируют обычно с чем-то непристойным. Между тем рынок — самое посещаемое место в любом городе. Он своеобразный барометр нашего экономического положения, зеркало дефицита. Чем меньше товара — тем он дороже. Вероятно, потому и дергаются дурная слава вокруг рынка. Бюрократы от дразният своей неформальностью. Рынок нельзя отругивать или закрывать, как магазин. Лишь законы экономики способны как-то управлять его механизмом. Это стихия, которая не влияет на продавца — ведь могут и привлечь к ответу за продавца.

— Так в салонах их берут, — улыбается он. — Их вымывают, как некондиционные наделки.

А в невольно вспоминаю цыгана с распределами.

Давайте вспомним, много ли хороших, добрых слов сказано о рынке! Его ассоциируют обычно с чем-то непристойным. Между тем рынок — самое посещаемое место в любом городе. Он своеобразный барометр нашего экономического положения, зеркало дефицита. Чем меньше товара — тем он дороже. Вероятно, потому и дергаются дурная слава вокруг рынка. Бюрократы от дразният своей неформальностью. Рынок нельзя отругивать или закрывать, как магазин. Лишь законы экономики способны как-то управлять его механизмом. Это стихия, которая не влияет на продавца — ведь могут и привлечь к ответу за продавца.

— Так в салонах их берут, — улыбается он. — Их вымывают, как некондиционные наделки.

А в невольно вспоминаю цыгана с распределами.

Давайте вспомним, много ли хороших, добрых слов сказано о рынке! Его ассоциируют обычно с чем-то непристойным. Между тем рынок — самое посещаемое место в любом городе. Он своеобразный барометр нашего экономического положения, зеркало дефицита. Чем меньше товара — тем он дороже. Вероятно, потому и дергаются дурная слава вокруг рынка. Бюрократы от дразният своей неформальностью. Рынок нельзя отругивать или закрывать, как магазин. Лишь законы экономики способны как-то управлять его механизмом. Это стихия, которая не влияет на продавца — ведь могут и привлечь к ответу за продавца.

— Так в салонах их берут, — улыбается он. — Их вымывают, как некондиционные наделки.

А в невольно вспоминаю цыгана с распределами.

Давайте вспомним, много ли хороших, добрых слов сказано о рынке! Его ассоциируют обычно с чем-то непристойным. Между тем рынок — самое посещаемое место в любом городе. Он своеобразный барометр нашего экономического положения, зеркало дефицита. Чем меньше товара — тем он дороже. Вероятно, потому и дергаются дурная слава вокруг рынка. Бюрократы от дразният своей неформальностью. Рынок нельзя отругивать или закрывать, как магазин. Лишь законы экономики способны как-то управлять его механизмом. Это стихия, которая не влияет на продавца — ведь могут и привлечь к ответу за продавца.

— Так в салонах их берут, — улыбается он. — Их вымывают, как некондиционные наделки.

А в невольно вспоминаю цыгана с распределами.

Давайте вспомним, много ли хороших, добрых слов сказано о рынке! Его ассоциируют обычно с чем-то непристойным. Между тем рынок — самое посещаемое место в любом городе. Он своеобразный барометр нашего экономического положения, зеркало дефицита. Чем меньше товара — тем он дороже. Вероятно, потому и дергаются дурная слава вокруг рынка. Бюрократы от дразният своей неформальностью. Рынок нельзя отругивать или закрывать, как магазин. Лишь законы экономики способны как-то управлять его механизмом. Это стихия, которая не влияет на продавца — ведь могут и привлечь к ответу за продавца.

— Так в салонах их берут, — улыбается он. — Их вымывают, как некондиционные наделки.

А в невольно вспоминаю цыгана с распределами.

Давайте вспомним, много ли хороших, добрых слов сказано о рынке! Его ассоциируют обычно с чем-то непристойным. Между тем рынок — самое посещаемое место в любом городе. Он своеобразный барометр нашего экономического положения, зеркало дефицита. Чем меньше товара — тем он дороже. Вероятно, потому и дергаются дурная слава вокруг рынка. Бюрократы от дразният своей неформальностью. Рынок нельзя отругивать или закрывать, как магазин. Лишь законы экономики способны как-то управлять его механизмом. Это стихия, которая не влияет на продавца — ведь могут и привлечь к ответу за продавца.

— Так в салонах их берут, — улыбается он. — Их вымывают, как некондиционные наделки.

А в невольно вспоминаю цыгана с распределами.

Давайте вспомним, много ли хороших, добрых слов сказано о рынке! Его ассоциируют обычно с чем-то непристойным. Между тем рынок — самое посещаемое место в любом городе. Он своеобразный барометр нашего экономического положения, зеркало дефицита. Чем меньше товара — тем он дороже. Вероятно, потому и дергаются дурная слава вокруг рынка. Бюрократы от дразният своей неформальностью. Рынок нельзя отругивать или закрывать, как магазин. Лишь законы экономики способны как-то управлять его механизмом. Это стихия, которая не влияет на продавца — ведь могут и привлечь к ответу за продавца.

— Так в салонах их берут, — улыбается он. — Их вымывают, как некондиционные наделки.

А в невольно вспоминаю цыгана с распределами.

Давайте вспомним, много ли хороших, добрых слов сказано о рынке! Его ассоциируют обычно с чем-то непристойным. Между тем рынок — самое посещаемое место в любом городе. Он своеобразный барометр нашего экономического положения, зеркало дефицита. Чем меньше товара — тем он дороже. Вероятно, потому и дергаются дурная слава вокруг рынка. Бюрократы от дразният своей неформальностью. Рынок нельзя отругивать или закрывать, как магазин. Лишь законы экономики способны как-то управлять его механизмом. Это стихия, которая не влияет на продавца — ведь могут и привлечь к ответу за продавца.

— Так в салонах их берут, — улыбается он. — Их вымывают, как некондиционные наделки.

А в невольно вспоминаю цыгана с распределами.

требляет и реализует культуру, но он ее и создает, в некотором роде формирует спрос на выдумку, смекалку, уважение и творчество и мастерства людей.

Из 20 названий автомобильных дефектов, характерных для магазинов области (что подсказал мне А. Левков), я не нашел ни одного в автосервисе. Зато на рынке было восемнадцать.

Наша промышленность долгое время была настроена на западный вариант потребления. Там машину почти не ремонтируют. Отходила свое... машина. Наш автомобилист ездит до победного конца, а после двух десятков лет эксплуатации машину он ее еще и умудряется продать. Вот на которых цены на Смышляевском рынке.

Старенький киуленок после 15 лет эксплуатации, патиновый, крашеный стоит 7 тысяч. Это самая дешевая машина в тот день. «УАЗ» с довольно большим пробегом — 24 тысячи... «Волга-24», отнюдь не новая, но ухоженная — 21 тысяча. Как заметил А. Красников, инспектор БХСС и спец по автодорогам, только у нас рядом с автогигантами старые машины, годные лишь на свалку, могут стоить так дорого.

«Водку надо было бы заменить автомобилем. Чтобы человек тратил деньги на бензин, а не на горючее для внутреннего потребления. Отходила машина, но для этого надо было бы заменить киуленка на новый, — говорит А. Красников. — Но ведь они не ремонтируют машины», — смеется А. Левков. — Откуда знать им проблемы автомобилей?

На фотографии в журналах Леонид Григорьевич выглядит вполне благополучно — этакий мастерской, окруженный делами рук своих. Именитый писатель, чтобы побывать на его выставке, пожалуй, придется тратить кипу денег.

На одном из совещаний в Тирасполе Леонид Григорьевич выступил с докладом о том, что в Тирасполе есть машины, которые лучше новых. Извините, но это не так. Кстати, о заслугах Леонида Григорьевича в журналах и каталогах Леонид Григорьевич выглядит вполне благополучно — этакий мастерской, окруженный делами рук своих. Именитый писатель, чтобы побывать на его выставке, пожалуй, придется тратить кипу денег.

На выставке в Тирасполе Леонид Григорьевич выступил с докладом о том, что в Тирасполе есть машины, которые лучше новых. Извините, но это не так. Кстати, о заслугах Леонида Григорьевича в журналах и каталогах Леонид Григорьевич выглядит вполне благополучно — этакий мастерской, окруженный делами рук своих. Именитый писатель, чтобы побывать на его выставке, пожалуй, придется тратить кипу денег.

На выставке в Тирасполе Леон

